

Социальные и этнические проблемы Латинской Америки

Под таким названием в Центре политических исследований Института Латинской Америки РАН состоялась научная конференция. Предлагаем читателям изложение выступлений сотрудников ИЛА и руководителя департамента экономики Центра латиноамериканских исследований РУДН, принявших участие в дискуссии.

Ключевые слова: безработица, бедность, гетерогенность, демография, исключенность, конфликт, культурная автономия, миграция, насилие, социальная политика, финансово-экономический кризис, этнические движения, права общин.

Открыла заседание доктор политических наук, директор Центра политических исследований ИЛА РАН **М.Л.Чумакова**. Анализ социальной проблематики латиноамериканских государств, отметила она, представляет сложнейшую задачу, учитывая множество факторов ее определяющих. В условиях мирового финансово-экономического кризиса и при многообразии вариантов социально-политического развития стран региона эта вечная тема приобрела новое звучание. Рассмотрение ее различных аспектов взаимосвязано с изучением этнических движений, ставших в ряде государств субъектами политического процесса. Активизация социальных и индейских движений привнесла новые краски в палитру современной общественной жизни континента. В ходе конференции мы попытаемся осмыслить современные социальные процессы в тесной увязке с политикой государства и обозначить необходимость разработки новых методологических подходов.

Б.И.КОВАЛЬ, доктор исторических наук

Культура политики и внеполитические энергии

Наша конференция посвящена исключительно важной и сложной проблеме. Суть состоит в том, чтобы рассмотреть взаимодействие общих социально-политических закономерностей с конкретными этнополитическими процессами в отдельных странах. Дело в том, что на рубеже XX—XXI вв. особенно отчетливо на первый план в жизни разных континентов вышли не традиционные «классовые» или идеологические конфликты, а конфликты религиозные и этнические. Чем это объясняется? Какова перспектива их обострения? Можно ли найти пути и средства гармонизации обще-

ственных отношений? Все эти вопросы мы и попытаемся обсудить на нашей встрече. Надеюсь, что получится интересный и полезный разговор.

Я хотел бы привлечь внимание к весьма интересной, но, увы, не исследованной в политологии и социологии теме, а именно — роли экзистенциальных, внеполитических энергий в политическом процессе. Мы обычно ограничиваемся рассмотрением собственно политических и социальных факторов, но проходим мимо внутреннего мира самого человека и общества многих людей, в данном случае индейского населения. Мы, к сожалению, робеем перед разработкой новых методов и обновлением инструментария познания, без конца повторяемся и оправдываем некоторый застой мысли ссылкой на богатство конкретных данных. В итоге изложение информации в большинстве случаев преобладает над осмыслением. Тем временем в ряде международных центров реализуются совершенно новые проекты, происходит смелая модернизация анализа, выдвигаются более тонкие понятия и концепции.

Примером такого рода является большая работа немецкого Института латиноамериканских исследований — проект «Latautonomy». Итоги многолетней полевой работы в восьми государствах (Мексика, Никарагуа, Панама, Бразилия, Эквадор, Боливия, Испания и Россия) были недавно опубликованы в русском переводе под названием «Политика самостоятельности. Мультикультурные автономии в Латинской Америке и других регионах мира». Проблемы мультикультурных автономий в условиях устойчивого развития и глобализации изучают также и российские специалисты.

Однако горизонт проекта «Latautonomy» шире и амбициознее, поскольку ставит целью противопоставить пророчеству С.Хантингтона о «конфликте цивилизаций» альтернативу на путях развития *мультикультурных автономий* и преодоления жестких моделей национального государства, которые сегодня как и вчера навязываются постколониальным странам. В этих условиях социально-культурная реальность индейских народов порождает сильное оборонительное и протестное сопротивление, вступая в открытый конфликт с существующим порядком вещей. Иначе говоря, нарастает качество и количество их социальной энергии, желания и способности сохранить свое жизненное пространство, свою культуру и право на свободу и равное участие в жизни общества, преодолеть бедность и отсталость. Человеческая энергия — физическая, производящая, коммуникативная, духовно-нравственная и, наконец, политическая — является единственным источником социальной эволюции. Все другие факторы — географический, территориальный, климатический, природно-ресурсный — служат условиями, но не причиной развития. В этом контексте меня интересует вопрос о роли экзистенциальных и внеполитических энергий человека в политическом процессе. Без выяснения этой роли мы не поймем ни общих закономерностей социальной эволюции, ни причин и следствий нынешнего обострения «индейского вопроса» в Латинской Америке. Иначе говоря, следует смотреть на проблему не только «сверху», но и «снизу». По устоявшейся традиции мы нередко ограничиваемся описанием и толкованием *real politic* властей, парламентов, партий, бизнеса, но не «опускаемся» вглубь *real existencia* индей-

ских народов. Иными словами, дело часто ограничивается уровнем позитивистски-бесстрастного «фактоприятия» (термин Л.Шестова).

Во многих случаях общественные науки вынуждены обслуживать интересы самой политики, что неизбежно ведет к самоограничению свободы мысли. Что греха таить, вампиризм политики частенько высасывает соки свободного размышления и подчиняет политологию своим корыстным интересам. Вот почему полезно превзойти пороки политики и расширить методологию политологии, включив в сферу ее анализа весь комплекс невидимых, материальных, неполитических энергий, которые изначально определяют причины, цели и результаты соответствующих политических действий. Эти энергии не всегда носят осмысленный характер, часто являются инстинктивными, интуитивными, иррациональными. Лишь *post factum* мы приписываем стихийному ходу событий определенную логику и рационалистическую сущность. Вот почему я сосредотачиваюсь на размышлениях о роли внеполитических энергий. При этом нисколько не претендую ни на оригинальность, ни на окончательное суждение. Познание бесконечно, а гипотеза есть начало осмысления любой новой проблемы. Задача состоит в том, чтобы нащупать взаимосвязь духовных энергий и материальных факторов, в данном случае — целей и ценностей, с одной стороны, и практических политических интересов и действий, с другой. Так мы сможем более адекватно определить характер политической социальности индивида, коллектива и общества. На первый взгляд духовные энергии и прагматизм разделены, как полюса магнита. На самом же деле они переплетены и не могут существовать отдельно. Кстати сказать, в индийской культуре и практике спиритуальные и материальные стороны человеческого бытия находятся в органическом единстве. Цивилизация их весьма исковеркала, но не смогла окончательно унифицировать по своей логике.

Таким образом, мне представляется, что к «горизонтальной политологии» следует добавить «вертикальную политологию», которая смогла бы понять и объяснить весь «слоеный пирог» общественного процесса. Для этого абсолютно необходимо обратить специальное внимание на экзистенциальные энергии человека. Иными словами, политологии как науке было бы полезно выйти за собственную околицу, обратив особое внимание на психо-моральную и духовную сферы жизни. Одним словом, я призываю обратить внимание на *энергийную базу* политического процесса. Это означает максимальное развитие теоретического обобщения эмпирического опыта. Это требует переоценки некоторых привычных умозаключений и выработки новых понятий.

Ю.И.ВИЗГУНОВА, доктор исторических наук

Социальная сфера в условиях экономического кризиса

Неустойчивость экономического развития латиноамериканских стран под воздействием колебаний на мировых рынках и экономических кризисов еще более усугубляет такие негативные явления в социальной сфере региона, как

рост безработицы, социального неравенства, пауперизации и маргинализации широких слоев населения, которые во многом являются результатом стратегии трансформации экономики на основе идей неоллиберализма. Как показывает практика, экономические кризисы стали одним из основных тормозов преодоления социальных вызовов и «критической бедности» городского населения, которая на рубеже XX—XXI вв. приобрела исключительно широкие масштабы, что привело к значительному увеличению и сложившейся за многие десятилетия хронической нищеты сельских жителей.

Проблема бедности в условиях неоллиберальной экономической модернизации превратилась в одну из ключевых. От ее решения зависят не только поведение широких масс и поддержание стабильности в странах региона, но и перспективы их экономического и в целом общественного развития. Борьба с бедностью декларируется приоритетом государственной политики. Однако реальность такова, что некоторые улучшения показателей бедности в отдельные периоды экономических подъемов не могут носить продолжительный характер, так как при существующем в регионе глубоком социальном неравенстве, они не могут перерасти в устойчивую тенденцию. К тому же увеличение государственных ассигнований на социальную сферу подвержено колебаниям в зависимости от конъюнктуры рынка и состояния финансов. В результате бедность в подавляющем большинстве стран продолжает носить застойный характер.

Наглядным примером вышеизложенного может служить динамика средних показателей бедности и нищеты в регионе, начиная с 2000 г. В соответствии с документами Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и стран Карибского бассейна (ЭКЛАК) 2009 г., в Латинской Америке, как и в подавляющем большинстве развивающихся стран, в качестве основного критерия понятия бедности рассматривается уровень доходов, находящийся ниже стоимости потребительской корзины, которая включает минимально необходимое для жизнедеятельности количество продуктов, товаров и услуг. В категорию нищих относят тех людей, которые не имеют средств даже на самое необходимое питание. Так, по данным ЭКЛАК, под воздействием экономических и финансовых кризисов 1999 г. и 2001—2002 гг. уровень бедности в Латинской Америке ежегодно рос в абсолютных показателях до 2003 г. включительно. Количество бедных увеличилось тогда с 200 млн до 225 млн человек, в том числе количество живущих в условиях нищеты выросло до 95 млн. Доля бедных и нищих в составе всего населения сохранилась на уровне 1999 г. — 43%, и 18% соответственно. В последующие годы экономического подъема наметилась тенденция ежегодного снижения уровня бедности и нищеты в абсолютных и относительных показателях, которая продолжалась до 2007 г. Количество бедного населения сократилось до 184 млн человек и живущих в условиях нищеты — до 68 млн человек (34,1% и 12,6% всего населения соответственно).

С начала экономического кризиса в 2008 г. позитивная тенденция сокращения бедности изменилась в сторону количественного и относительного роста бедных и нищих слоев населения. По расчетам ЭКЛАК, в 2008 г.

количество бедных в регионе увеличилось на 9 млн человек, и в 2009 г. количество и удельный вес бедных и нищих, по расчетам, должны вырасти на 1,1% и 0,8% соответственно. Такая негативная тенденция, по мнению ученых ЭКЛАК, сохранится и в течение ряда последующих лет, ибо выход из кризиса будет протекать медленно, и еще медленнее будет решаться проблема безработицы, увеличение и значительные масштабы которой являются основной причиной «критической бедности» в странах региона. В эпоху кризиса ускоряется процесс расширения неформального сектора экономики — основного резервуара поглощения рабочей силы. Интересно, что уровень занятости экономически активного населения, составлявший в регионе в начале 2008 г. всего 55,1%, за год — до начала 2009 г. — снизился до 54,4%. В результате массовых сокращений в ряде промышленных отраслей — экспортных, обрабатывающей и строительной, а также в сфере частных услуг — произошло увеличение частично занятого населения. Также в несколько раз выросло и количество полностью безработных, которые в 2009 г. составили в среднем в регионе 8,8% трудоспособных лиц. Это увеличение примерно одинаково с тем, которое произошло в условиях кризисов на рубеже XX—XXI вв. (до 9%). Конечно, приведенные выше средние показатели динамики уровня бедности, нищеты и безработицы по региону в целом могут различаться по отдельным странам. В настоящее время возрастает значение новых форм социальной политики в триаде государство — рынок — общество. На первый план выдвигается концепция создания такого комплекса государственных и общественных механизмов, которые позволили бы охватить социальной защитой все малообеспеченные слои населения и таким образом повысить их уровень жизни. Это в свою очередь требует углубления демократической модернизации государственных институтов при активном участии в этом процессе гражданского общества.

А.Н.ПЯТАКОВ, кандидат политических наук

Дотационные меры в социальной политике

В большинстве стран Латинской Америки проблемы, связанные с бедностью, социальной незащищенностью и экономической поляризацией населения, являются актуальными и требующими конструктивных решений независимо от политической ориентации официальных властей тех или иных стран. Существует два основных подхода к решению данного круга проблем.

Первый предполагает структурные преобразования экономики, вследствие которых создаются новые рабочие места, повышается средний уровень жизни и т.д. Его можно охарактеризовать как системный подход. Социальная политика, реализуемая в рамках системного подхода, носит долгосрочный характер, поэтому не способна принести быстрые политические дивиденды и оперативно разрядить социальную напряженность в обществе. Это

в свою очередь определяет его непопулярность в качестве методологической базы для проведения социально-политических преобразований в большинстве стран региона.

Второй подход направлен на быстрое снятие социальной напряженности и подразумевает экономическую помощь со стороны государства малоимущим слоям населения. Его можно охарактеризовать как дотационный. Формы реализации экономической помощи можно подразделить на две группы — товарная (или натуральная) и финансовая помощь. Бесплатное распределение товаров среди бедного населения в целом слабо распространено в Латинской Америке. Последний пример — это готовящаяся к запуску в Бразилии программа «Bolsa Celular», в рамках которой планируется бесплатно раздать 11 млн малоимущих бразильцев по сотовому телефону, а также ежемесячно класть им на мобильный счет 7 реалов (4 долл. США).

Финансовую помощь можно подразделить на прямую и косвенную. Косвенное финансирование — это льготное кредитование покупки жилья (например, перуанская программа «Techo Propio») и продажа по низким ценам промышленных и продовольственных товаров (например, венесуэльская социальная миссия «Mercal»). Прямое финансирование может быть краткосрочным — единовременные субсидии ad hoc и долгосрочным — социальные программы систематических денежных выплат. Ярким примером краткосрочной программы может служить одобренная правительством Чили инициатива оппозиции, реализованная в августе 2009 г., когда 4 млн чилийцев, пострадавшим от кризиса, были выплачены денежные пособия. Наиболее распространена в регионе практика регулярных денежных пособий. В Латинской Америке около 92 млн жителей региона охвачены подобного рода программами. В Мексике с 1997 г. действует программа «Oportunidades», субсидирующая 5 млн малоимущих семей. В 2009 г. Всемирный банк выделил Мексике кредит в 1,5 млрд долл. для ее реализации. В Бразилии с октября 2003 г. с учетом мексиканского опыта проводится программа «Bolsa Família». Размер субсидий зависит от количества детей в семье, выплаты проводятся при том условии, что деньги будут потрачены на школьное образование и вакцинацию. В противном случае семьи-реципиенты лишаются помощи. В Эквадоре осуществляются две программы: «Боны человеческого развития» (БЧР) и «Боны на жилье». В отличие от Бразилии БЧР выплачиваются на безусловной основе, с приходом к власти Р.Корреа их объем был увеличен вдвое (с 15 до 30 долл.). В Доминиканской Республике — программа «Солидарность». В Боливии существуют четыре дотационных программы, охватывающие престарелых (пенсия «Dignidad»), школьников (боны «Juancito Pinto»), домохозяйек и тех работников госсектора, чьи зарплаты не индексировались с учетом инфляции в последние годы.

Экономический кризис имеет два противоречащих друг другу следствия: с одной стороны государственные расходы на социальную сферу во многих странах региона имеют тенденцию в сокращению, с другой стороны, растет социальная напряженность, для снижения которой требуется более эффективная социальная политика. Возможно, многие государства

не решатся на сокращение дотационных мер, что может привести к эскалации напряженности в обществе, однако и их эффективность ставится экономическим кризисом под вопрос.

Э.Е.КУЗНЕЦОВА, кандидат исторических наук

Проблемы молодежи в период демографического благоприятствования

С середины 60-х годов в демографической ситуации латиноамериканского региона наблюдаются значительные изменения. При этом особое значение для социально-экономического развития стран и разных групп населения приобретает второй этап этого процесса, когда рождаемость уменьшается, а старение населения еще не является четко определенной тенденцией. Именно в этот период падает уровень демографической зависимости, т.е. лица экономически активного возраста (15—59 лет) испытывают наименьшую нагрузку со стороны экономически неактивного населения (до 15 лет и старше 60 лет). Этот период принято называть окном демографического благоприятствования или демографическим бонусом. В этот период появляются возможности создания основ для накопления сбережений и инвестиций в экономическое и социальное развитие. Формально все страны Латинской Америки в настоящее время находятся в периоде демографического бонуса; правда, нужно учитывать гетерогенность этого процесса. В одних странах — Аргентина, Уругвай, Чили, Бразилия, Коста-Рика, Мексика — он завершится в первой четверти XXI в., в других — Боливия, Гватемала и др. — через 50 лет.

Для любой латиноамериканской страны чрезвычайно важно использовать возможности, открывающиеся в этот период. Прежде всего, требуется такое развитие экономики, которое могло бы максимально поглотить экономически активное население, делать большие вложения в развитие человеческого капитала, особенно в образование и прежде всего молодежи. Именно эта часть населения в случае получения качественного образования и профессиональной подготовки сможет, будучи занятой в отраслях с высокой производительностью, обеспечивать развитие экономики и накопление средств для социальных нужд, потребности в которых будут только возрастать по мере старения населения и закрытия окна демографического благоприятствования. Образование придает молодежи большую социальную мобильность, возможность преодолеть межпоколенческую бедность и резкое социальное расслоение. Молодое поколение быстрее приобщается к новым технологиям и коммуникациям, столь необходимым для современного общественного развития. Это видно на примере пользования Интернетом. Только за пять лет (2002—2007 гг.) число пользователей Интернета в молодежной группе 18—29 лет выросло в два раза, охватив 47%. В возрастной группе 30 лет и старше число пользователей увеличилось тоже в два раза, составив только 20%.

Страны Латинской Америки, хотя и в разной степени, к началу нового века продвинулись в решении проблем образования. Реформы, проводившиеся в последние десятилетия, и особенно активно в 90-е годы, заметно улучшили показатели начального и среднего образования. Именно последнее особенно востребовано современным рынком труда. К 2006 г. 51% молодых людей получили среднее образование (в 1990 г. — 27%). В ряде стран — Аргентина, Уругвай, Чили, Бразилия — этот процент превышает 75%. Одним из тормозов более широкого охвата молодежи образованием является социальная дифференциация. Так, в 2006 г. в возрастной группе 20—24 года число молодых людей, получивших среднее образование, среди самого бедного слоя было в четыре раза меньше, чем среди самых богатых. В высшем образовании разница существенно больше: меньше 1% молодых людей в возрасте 25—29 лет из самого бедного слоя смогли получить высшее образование, из самого богатого — 24,6%.

Парадоксально положение молодежи: более высокое образование по сравнению со старшим поколением не делает более легким ее выход на рынок труда. Безработица среди молодежи в 2005 г. была выше в 2,7 раза, чем среди лиц более старшего возраста (превышает показатель 1990 г.), зарплаты, как правило, ниже, меньше доступ к системе социальной защиты. Высокий процент молодежи (2005 г. — 47%) занят в секторе с низкой производительностью, и положение мало изменилось по сравнению с 1990 г. Решение проблемы образования и трудоустройства молодежи позволит латиноамериканским государствам использовать демографический бонус для национального развития в ближайшие десятилетия.

Н.Ю.КУДЕЯРОВА, кандидат исторических наук

Денежные переводы мигрантов и финансово-экономический кризис

В конце XX — начала XXI в. значительно увеличилась интенсивность миграционных потоков между странами Латинской Америки и США, а также Европой, в первую очередь — Испанией. Одним из сопутствующих факторов стали потоки денежных средств, отправляемых мигрантами на родину для поддержки оставшихся семей. На протяжении двух десятилетий объем денежных переводов в латиноамериканские страны неизменно возрастал. В 2008 г. к началу финансово-экономического кризиса он составлял 69,2 млрд долл. Наибольшее значение для экономики он имел в странах Центральной Америки и Карибов, где составлял более 11% ВВП (это — Никарагуа, Гондурас, Сальвадор, Гватемала, Ямайка и Гаити), наиболее высокая его доля выявлена в Гайане — 36,7%.

Суммарный показатель пересылаемых из-за рубежа денег чрезвычайно велик и, казалось бы, должен привести к сокращению бедности и улучшению социальной ситуации, поскольку эти деньги получают непосредственно гражданами. Однако до настоящего времени не удалось найти иде-

альную формулу, напрямую связывающую этот вид денежных поступлений с социальным развитием той или иной страны. То, что является положительной стороной денежных переводов — индивидуальный характер их потребления, во многом затрудняет возможность использования этих средств на какие-либо крупные проекты национального масштаба.

Финансовый кризис внес свои поправки в объемы денежных переводов. Окончание 2008 г. дало основание говорить о прогнозируемом обвальном падении объемов переводов в 2009 г. В США и Испании кризис в первую очередь проявился в строительстве — основной отрасли, дававшей рабочие места мигрантам. Ее крах привел к исчезновению вакансий, росту безработицы среди мигрантов и значительному уменьшению их доходов. Согласно данным Банка Испании, переводы в Эквадор, одну из основных стран-получателей переводов от мигрантов из Испании (около половины всего объема), уже в третьем квартале 2008 г. сократились на 13%, а переводы в Парагвай от соотечественников, проживающих в Аргентине, США и главным образом в Испании, упали на 35%. В 2009 г. на 35% упал объем переводов в Мексику.

Однако при общей нисходящей траектории во второй половине 2008 г. наблюдался резкий рост переводов в среднем на 30%. Он был наиболее заметен в трех основных странах-получателях — Мексике, Бразилии и Колумбии. Антикризисные меры, предпринятые правительствами ряда латиноамериканских стран, привели к быстрому изменению стоимости доллара по отношению к основным валютам региона. Доллар стал стоить на 15—35% дороже. Используя эту возможность, мигранты увеличили объем отправляемых на родину денег: в Колумбию — на 18%, а в Мексику и Бразилию — на 11% по отношению к уровню предшествующего года. Всплеск объемов отправляемых средств был осуществлен за счет использования сбережений мигрантов, отложенных с инвестиционными целями.

Хотя деньги стали отправляться реже и меньшими суммами, эмигранты используют различные стратегии, чтобы продолжать поддерживать свои семьи на родине. Они идут на урезание трат на собственные нужды, берутся за любую работу, чтобы восполнить сокращение заработка, а также меняют сферу занятости в зависимости от степени ее упадка, что нередко связано с переездами в места, где потребность в рабочей силе больше. Объем денежных переводов уменьшился, но они не подверглись столь стремительному сокращению, как другие финансовые источники. По оценкам МАБР, в 2009 г. объем денежных переводов мигрантов в Латинскую Америку снизился в среднем на 11%. После недавних лет, когда наблюдалось удвоение роста переводов, в 2009 г. впервые их приток прекратился. Это — реакция на глобальные экономические процессы. Однако есть надежда, что мигранты смогут преодолеть эти трудности, а в странах-получателях будут выработаны механизмы оптимального использования такого масштабного ресурса индивидуальной материальной поддержки.

Э.С.ДАБАГЯН, кандидат исторических наук

Специфика социальной политики современной Венесуэлы

В средствах массовой информации ряда стран признаком хорошего тона стало петь хвалу социальной политике нынешней венесуэльской власти. В доказательство тезиса о несомненных успехах в данной сфере приводится, как правило, обилие цифр, за частотолом которых порой трудно уловить глубокий смысл происходящего. Этим грешил и я сам. Действительно, в социальную сферу вливаются немалые ресурсы, извлекаемые от продажи нефти.

Цель моего выступления в том, чтобы попытаться дать оценку сути явления. Принимая во внимание ограниченность времени и пространства, обозначу пунктиром болевые точки, сосредоточусь на изъянах и издержках этой политики. Наиболее принципиальная из них в том, что она эффективна, но не эффективна. Сиюминутный эффект налицо, реципиенты получают громадное удовлетворение. Но с точки зрения эффективности, а именно долговременной отдачи, она практически равна нулю.

Первородным грехом социальной политики Чавеса является отсутствие системности и продуманности. Эта политика во многом спонтанна, выглядит как цепь подачек незащищенным слоям, которые, по преимуществу, делаются в канун избирательных кампаний либо референдумов. Эти средства тут же проедаются. И вскоре люди вновь стоят с протянутой рукой в ожидании очередной порции. Таким образом, деньги уходят в песок. Нельзя утверждать, что это делается сознательно, но реально так и происходит. В результате значительная часть трудоспособных жителей маргинальных кварталов не меняют своего социального статуса, не вовлекается в производственную деятельность, порождается иждивенчество. У многих поневоле возникает вопрос, к чему трудиться, коль денежки капают? Идет процесс воспроизводства бедности. Образуется своеобразный замкнутый круг. Эти слои продолжают оставаться опорой власти. Отличительная особенность социального курса — ярко выраженный популизм. Именно здесь он проявляется наиболее рельефно.

Средства, направляемые в социальную сферу, как правило не предназначены на создание новых рабочих мест. В тех же случаях, когда это происходит, во главу угла ставится не налаживание современных производств, способных выпускать конкурентоспособную продукцию, а преследуется цель просто занять людей путем привлечения избыточного персонала. Наглядный пример. Одним из резонансов национализации крупных кофейных компаний, осуществленной в ноябре 2009 г., являлась необходимость создания новых рабочих мест. Получается, что прежним хозяевам предъявлялись претензии в том, что они не привлекали дополнительных работников, поскольку были рентабельны и не желали раздувать штаты. Подобная логика зиждется на порочной концепции социальной ответственности предприятий, означающей, что в качестве приоритетной задачи владельцев этих предприятий выдвигаются не заинтересованность в выпуске качественной продукции, пользующейся спросом, а побочные заботы.

Другая немаловажная деталь. Обратной стороной массивованного привлечения кубинского медицинского персонала для обслуживания пациентов в маргинальных кварталах и в глубинке стал отток за рубеж квалифицированных венесуэльских врачей, отказывающихся трудиться на тех же условиях, что и кубинские добровольцы. Достоверность данных официальной статистики подвергается сомнению зарубежными специалистами, поскольку она не отвечает международным стандартам. Многие цифры, по преимуществу, лукавые. Как метко выразился хорошо всем известный писатель М.Варгас Льоса, если их тщательно поскрести, то за ними легко обнаружить несуразности. Разумеется, эти разрозненные штрихи не способны создать цельную картину. Резюмируя, замечу, что речь идет не об очернении социальной политики Чавеса, а о ее серьезных изъянах, требующих выправления.

Н.М.ЯКОВЛЕВА, кандидат исторических наук

Социальная ситуация в Аргентине

Взяв курс на развитие «модели роста и социальной включенности», правительство К.Фернандес де Киршнер было вынуждено решать обострившиеся в условиях экономического кризиса проблемы социально уязвимых слоев населения, зависящих от государственных субсидий и программ помощи, учитывая, что это потенциальный электорат правящей партии, отдающий ей голоса на выборах всех уровней в расчете на более активное участие в распределении аккумулированного национального богатства. Соответствующими ведомствами разработаны различные государственные программы: помощи бедным семьям, строительства бесплатного жилья, создания дополнительных рабочих мест. Однако эти меры явно недостаточны и не приносят желаемых результатов, так как не всегда доходят непосредственно до людей, которым предназначены. Система распределения выделяемых ресурсов непрозрачна, часть средств оседает в карманах чиновников. Более того, объявление о новых планах правительства становится началом ожесточенной борьбы за доступ к выделяемым финансовым потокам.

Проблема роста численности и ухудшения положения бедных слоев общества в потенциально богатой Аргентине привлекла внимание и вызвала шквал публикаций в мировой и местной печати после высказывания по этому поводу папы Бенедикта XVI, назвавшего число нищих «скандальным». По данным независимых экспертов, агентств и католической церкви, в 2009 г. в Аргентине насчитывалось от 30 до 40% бедных, при этом официальная статистика почти вдвое занижала эти показатели. Головной болью общества становится проблема роста преступности, и она тесно связана с неблагополучным положением социально исключенных слоев населения. Вокруг крупных городов расширяются так называемые «пояса нищеты», в которых процветают уличная преступность, бытовое насилие, наркоторговля, организованная преступность. Приютом нищих

становится церковью, играющая роль защитницы обездоленных и привлекающая внимание общества к их проблемам.

Правительство отказывается признавать масштаб бедствия и отрицает данные независимых исследований. Оно оказалось в ловушке им же созданной и выпестованной распределительной системы. Но одно дело распределять средства в «тучные годы», другое — когда казна оскудевает. Отсюда происходят пресловутые манипуляции со статистикой: заниженные цифры по количеству бедных позволяют на 30% урезать расходы на социальные программы. Национальная служба статистики (INDEC) по прямому указанию политического руководства не измеряет индекс бедности с 2007 г., что является беспрецедентным обстоятельством. Оппозиция обвиняет правительство в клиентелизме и непрозрачном распределении общественных фондов. Неудивительно, что в сложившихся условиях падает авторитет власти, снижается уровень доверия к президенту. Лишь 18% аргентинцев в ноябре 2009 г. оценивали деятельность К.Фернандес де Киршнер позитивно, в то время как при вступлении на пост она пользовалась поддержкой 56% населения.

Вторая половина 2009 г. ознаменовалась ростом протестного движения. Одной из наиболее распространенных его форм являются уличные манифестации и марши, в ходе которых перекрываются дороги. «Улица» становится в Аргентине XXI столетия важным социальным актором, и контроль над ней является приоритетной задачей правительства «прогрессистов». Нарастание социального недовольства ставит под угрозу мандат нынешнего аргентинского президента, угрожает кризисом управляемости, похожим на пережитый Аргентиной в 2001—2002 гг. За четверть века гражданского правления в Аргентине досрочно сложили полномочия четыре президента. Не последнюю роль в их отставках сыграла именно мобилизация «улицы».

В.Н.ЛУНИН, кандидат исторических наук

Социальные аспекты политики Р.Мартинелли в Панаме

Прошло слишком мало времени с момента вступления на президентский пост в Панаме 1 июля 2009 г. крупного предпринимателя Рикардо Мартинелли, чтобы можно было составить определенное мнение о характере социальной политики нового коалиционного правительства. Преждевременно судить и о степени сопряженности, сбалансированности социальных и экономических элементов неолиберальной модели развития, переход к которой в этой центральноамериканской республике произошел еще в середине 90-х годов минувшего века. Такую цель кабинет Мартинелли, где ключевые посты занимают представители предпринимательских кругов страны, и не ставило, оно скорее предпочитает снять остроту некоторых социальных проблем в условиях нынешнего ухудшения ранее благоприятной для Панамы международной конъюнктуры, резкого торможения темпов экономического роста, сужения финансовой базы социального маневрирования в сравнении с временами предшествующей администра-

ции Мартина Торрихоса (2004—2009), когда страна являлась лидером латиноамериканского региона по темпам роста экономики (7,7% в среднем за год в 2004—2008 гг.). Это позволило правительству, возглавлявшемуся крупнейшей политической силой страны — Революционно-демократической партией, существенно сократить масштабы бедности, провести ряд целевых социальных программ, несколько снизить общее социальное напряжение. Так, в 2003—2008 гг. число бедных сократилось на 4,1%, а число крайне нуждающихся — на 2,2%. Тем не менее, масштабы бедности в абсолютных цифрах свидетельствуют о хрупкости, социальной уязвимости неолиберальной модели, что таит в себе опасность политической дестабилизации установившегося с начала 90-х годов в этой стране конституционно-демократического режима. Примерно 1,09 млн человек (32,7% всего населения) находятся за чертой бедности, из них 481 тыс. (14,4%) проживают в условиях крайней бедности. В индейских районах бедность охватывает 96,3% жителей.

Признаки смены конъюнктуры в условиях глобального финансового кризиса стали отчетливо ощущаться с начала 2009 г., так как модель «транзитной экономики» в Панаме ориентирована в целом на сферу международных услуг. Правительство Мартинелли, положившее в основу своей политики предвыборную программу победившей коалиции из четырех партий, не могло не учитывать сужения финансово-материальной базы намеченных реформ. При этом существенную роль в разработке так называемой «социальной оси» данной программы сыграла старейшая политическая партия правоцентристской ориентации — Панамистская, постоянно уделявшая особое внимание социальной проблематике, а ее лидер Хуан Карлос Варела стал вице-президентом страны и министром иностранных дел.

Первые результаты деятельности правительства Мартинелли свидетельствуют о его значительном внимании к социальной проблематике. Так, образовано специальное ведомство по строительству метро в столице и улучшению транспортного обслуживания населения в целом, стала осуществляться программа «100 для 70-летних», охватившая пенсионным обеспечением совершенно незащищенные слои населения, предприняты меры по предоставлению «первой работы» молодежи страны, повышена заработная плата полицейским, начал проводиться в жизнь «пилотный проект городского обновления» и др. Беспрецедентным за последние полвека оказалось увеличение правительством в конце 2009 г. минимальной заработной платы — в среднем на 30%. Причем в условиях замедления экономического роста (прирост ВВП в 2008 г. составил 10,7%, а в 2009 г., по предварительным оценкам, — лишь 2,5%) правительство вынуждено обращаться, в частности, к источникам внешнего заимствования, что усиливает нагрузку на экономику.

Перспектива поиска сбалансированной модели развития Панамы в годы президентства Р.Мартинелли (2009—2014), у которого складываются непростые отношения с организациями гражданского общества, профсоюзным и индейским движением, зависит не столько от темпов экономического роста, сколько от институциональных преобразований в сфере образования, здравоохранения, городского хозяйства, пенитенциарной системы,

от снижения уровня коррупции и криминогенной обстановки. Сам по себе экономический рост, как показала практика, автоматически не ведет к решению социальных проблем. Необходима сопряженность различных направлений политического курса при наличии «обратной связи» администрации с гражданским обществом. Иначе президенту Мартинелли грозит утрата политического доверия общества, что произошло со всеми его предшественниками после восстановления в начале 90-х годов конституционно-демократического строя в стране. Такое развитие событий для Мартинелли, который считает режимы левой ориентации в Латинской Америке «популистско-демагогическими», будет особо чувствительной, если принять во внимание тот факт, что на майских выборах 2009 г. он набрал невиданное в истории Панамы количество голосов — почти 70% участвовавших в голосовании, а спустя полгода его рейтинг вырос до 90%.

М.Л.ЧУМАКОВА, доктор политических наук

Культура насилия и кризис общественной безопасности

В начале XXI в. по причинам демографического, социального, этносоциального, психологического и политического характера в регионе заметно ухудшилось состояние общественной безопасности. Показателем этого явился значительный рост убийств и насильственных действий. Латинская Америка лидирует на планете по уровню убийств молодежи (с 14 до 24 лет) — 36,6 на 100 тыс., т.е. вдвое выше, чем в Африке, и втрое, чем в странах Северной Америки. На регион приходится 42% убийств, совершенных в мире с помощью огнестрельного оружия, здесь в среднем происходит 30 таких преступлений на 100 тыс. жителей (для сравнения: в США — 5,6, в Канаде — 1,85). По оценкам Всемирного банка (ВБ) и Межамериканского банка развития (МАБР), стоимость такого рода преступлений эквивалентна 14% регионального ВВП. Ряд ученых связывают этот феномен с культурой насилия, издавна укоренившейся на латиноамериканской почве: мачизм, брутальность, нетерпимость, недоверие, характерные при общении с «чужими». Эти базовые характеристики сегодня дополняются новыми. Потребность в защищенности приводит к приобщению к неформальным организациям, дающим новую идентичность и возможность заработка, будь это молодежные банды или структуры, связанные с экстремистскими объединениями и оргпреступностью.

Найти различия между разными типами насилия из-за наличия множества акторов (от государства до политических группировок) — довольно трудная задача. Не легче разобраться и в типологии насилия. Мэри Калдор, занимающаяся этой проблематикой, относит к «новым войнам» феномен всеобъемлющего насилия, жертвой которого оказывается гражданское население. Такие войны сегодня идут в Месоамерике, Андской зоне и затрагивают Бразилию. Особую остроту они приобрели в странах — производителях и транзитерах наркотиков. «Нарковойна», характерная для Колумбии

90-х годов, ныне захватила и Мексику. Причины войн нового поколения связаны с неспособностью государства обеспечить суверенитет на всей территории и отсутствием сплоченности социума, фрагментированного, а в ряде стран и расколотого. По данным чилийской социологической службы «Latinobarómetro», свыше половины жителей этих регионов ощущают себя незащищенными и не удовлетворены состоянием общественной безопасности.

Рост преступности взаимосвязан с нерешенными социальными проблемами — исключенностью, неравенством, дискриминацией на рынке труда и разбуханием неформального сектора. За последние 15 лет в ходе экономической модернизации государство во многом утратило функцию обеспечения безопасности граждан. Крайне неудовлетворительным остается и положение в сфере прав человека. Социальное неравенство и дискриминации коренного населения повышают конфликтность и ведут к росту числа протестных акций.

Неэффективность общественной безопасности обусловлена также высоким уровнем коррупции, особенно в полицейских ведомствах, и слабостью институтов судебной системы. Сопоставление индексов восприятия коррупции с уровнем насилия с 1998 по 2008 г. показывает определенную взаимосвязь между этими показателями. Так, Колумбия «поднялась с 79-го места на 70-е в мировом рейтинге, Бразилия сместилась с 46 на 80-е место, Венесуэла — с 77-го на 158-е место(!), а Аргентина «упала» с 61 на 109-е место в списке 180 стран. Явно не «дорабатывает» судебная система. В Мексике 96% насильственных преступлений, совершенных за 1996—2003 гг., так и не были расследованы и переданы в судебные инстанции. В Бразилии, где убивают ежегодно порядка 50 тыс. человек, до судов доходит лишь 8% дел по убийствам. Не отстает от «чемпионов» и боливарийская Венесуэла: в 2008 г. было совершено 12 тыс. убийств, т.е. 48 человек на 100 тыс. жителей, ежедневно в стране погибают 40 человек. На уровне массового сознания это воспринимается как доказательство того, что убийцы остаются на свободе и могут и дальше убивать. Таким образом, царящая безнаказанность приводит к дальнейшей эскалации насилия.

В конфликтной среде на фоне ослабления роли государства и коррупционности лиц, ответственных за поддержание общественной безопасности, появились новые вооруженные акторы. Речь идет о множестве частных охранных агентств, состоящих из бывших сотрудников спецслужб и отставных армейских офицеров, вовлеченных в коррупционные схемы и нередко причастных к наркотрафику. Например, в крошечном Сальвадоре насчитывается 25 тыс. агентов частных охранных фирм, по численности они вдвое превышают состав национальной гражданской полиции. Однако их деятельность не обеспечивает искомой безопасности. Сальвадор и Гондурас лидируют в Центральной Америке по уровню убийств. Частные охранные структуры, занявшие пространство, на котором ранее действовало государство, нередко выступают фактором дестабилизации, учитывая их неформальные связи с воротилами наркобизнеса.

Еще одним фактором распространения насилия является наличие у гражданского населения легкого стрелкового оружия. Бразильский эксперт

Даниэль Лус отмечает решающую роль обладания им в качестве мотивации девиантного поведения детей и подростков. С этим связана и острейшая проблема распространения молодежных банд (*maras*) в кварталах нищеты крупных городов, что ведет к криминализации молодежи и ее участию в транзите наркотиков и контрабанде. В Центральной Америке эта проблема уже рассматривается в качестве угрозы национальной безопасности, однако принятие в Сальвадоре и Гондурасе специальных законов против *maras* пока не дало результатов.

Наиболее беззащитными перед вакханалией насилия являются девушки и женщины из бедных семей. По данным правозащитных организаций, они часто становятся живым товаром, которым торгуют криминальные группы, жертвами изнасилований и жесточайших убийств с расчленением тел. В Гватемале 70% убийств женщин вообще не регистрируется. Перечисленные выше данные говорят о кризисе общественной безопасности, подрывающем устои общества и усиливающем эрозию его социальной ткани. В большинстве стран региона пока не выработано адекватных методов борьбы с многоликим насилием. Пока лишь Колумбии удалось заметно обуздать насилие. В 2008 г. здесь был отмечен самый низкий уровень убийств за 30 лет (16 тыс. на 100 тыс.) Сдерживание криминалитета, особенно в условиях экономического кризиса, требует совместных усилий государства и общества, нацеленных на решение острейших социальных проблем, воспитание толерантности и норм мирного существования различных социальных и этнических групп. На этом пути встает задача вытеснения доминирующих образцов культуры насилия и создания образцов взаимодействия различных сегментов общества на базе культуры мира.

Э.ОХЕДА КАЛЬЮНИ (РУДН), кандидат экономических наук

Политическое влияние коренных народов Латинской Америки и перспектива преодоления социально-экономического отставания

По оценкам ВБ, в 2005 г. численность коренных народов колебалась от 28 до 43 млн человек (около 10% населения региона). В пяти странах с их наибольшей численностью — Боливии, Гватемале, Мексике, Перу и Эквадоре — они составляют значительную часть населения. В последнем исследовании ЭКЛАК даются несколько иные цифры — от 33 до 40 млн человек. Коренные народы представляют собой около 400 этнических групп.

Еще в 1994 г. в докладе ВБ была представлена первая региональная оценка уровня жизни коренных народов. В этом документе приводились доказательства слабости человеческого капитала в плане образования, здравоохранения и труда, которые являются главными причинами высокого уровня бедности. В пяти странах с наибольшей численностью указанной части населения уровень бедности индейцев за последнее десятилетие практически не изменился. В 2005 г. в проведенном ВБ новом исследовании был сделан вывод о том, что, несмотря на принятие программ, при-

званных улучшить доступ коренных народов к здравоохранению и образованию, среди них повсеместно преобладала хроническая бедность.

Период кризисов и экономических спадов, потрясавших Латинскую Америку в конце 1990-х и начале 2000-х годов, в последнее время сменился устойчивым оживлением экономики. Несмотря на некоторое снижение темпов роста из-за мирового кризиса, страны региона уверенно выходят из рецессии в новый цикл экономического роста. По оценкам ЭКЛАК, это происходит в большинстве государств за исключением Венесуэлы. Наилучшие показатели демонстрируют страны, которые выиграли от увеличения спроса на сырье в Азии, в первую очередь в Китае. Однако, несмотря на признаки восстановления экономики, бедность и неравенство доходов по-прежнему являются неизменно высокими, так как имеют глубокие корни.

Вырваться из нищеты не позволяла вековая и не изжитая до сих пор дискриминация. По-прежнему ограничен доступ к здравоохранению, образованию, занятости, весьма низкие доходы, а возможности политической реализации куда более ограниченные. В большинстве случаев «индейцы» потеряли свои главные средства к существованию — землю и другие природные ресурсы и были вынуждены эмигрировать в городские центры, где на их долю выпадает самый грязный и мало оплачиваемый труд. Тем не менее, в последние годы обнаруживается значительный прогресс в демократизации системы образования и признании прав коренных народов. В настоящее время в Боливии, Гватемале, Перу и в других странах все больше начинают уважать культурные различия народов, признавать двуязычие и учиться ценить разнообразие обычаев и культур внутри общества. На континентальном уровне также наблюдается рост признания прав коренных народов на землю, среду обитания, собственность, самоуправление и использование ресурсов (в Бразилии и Боливии эти права уже закреплены конституционно).

В социальном плане, как говорится в «Докладе ООН 2009 г. о развитии человека», положение стран региона улучшается, хотя и очень медленно. Латинская Америка в целом движется к достижению целей развития человеческого потенциала, поставленных в «Декларации тысячелетия», и опережает другие регионы по показателям сокращения детской смертности, обеспечения доступа к чистой воде и равенства полов. Однако в социально-экономической сфере ощутимые изменения происходили медленнее.

В Латинской Америке последнее десятилетие совпало с резким подъемом активности движений коренных народов, которые новыми и более действенными способами ощутимо увеличивают свое политическое влияние. Значительные политические преобразования отражаются на показателях бедности и развития человеческого потенциала. Диапазон этих перемен — от более широкого политического представительства в результате совершенствования конституций и законов до увеличения расходов на социальные нужды и роста числа соответствующих программ.

Несмотря на улучшение показателей развития человеческого потенциала, эти изменения не всегда приводили к столь необходимому сокращению бедности среди коренных народов. Вне всякого сомнения, в Латинской

Америке ощущалась атмосфера напряженности, являющаяся результатом глубокого желания перемен. Победа на выборах в Боливии индейца Эво Моралеса отразила это желание.

В Латинской Америке наблюдается направленность в сторону левых, но эти левые неоднородны. В то время как «умеренные левые» борются с бедностью, «левые популисты» довольствуются проведением антиамериканской политики и сближением с Кубой. Они менее убеждены в необходимости глобализации, в ценностях западной демократии и прав человека. Именно эти подходы лежат в основе политики Моралеса. Поэтому пока нельзя говорить, что «идеологическими основами» его движения является только «индихенизм». Главной победой Моралеса стало принятие новой Конституции, в которую включены несколько статей, защищающие права исключительно коренного народа: выделена квота на места в конгрессе для его представителей, введено обязательное изучение всеми индейских языков, предлагается почитать на государственном уровне божества древних индейцев, предусмотрено введение ограничений на размер земельных владений (латифундий) и др.

В основном Моралес реализует этатистскую стратегию, нацеленную на обеспечение командной роли исполнительных структур государства в экономической, социальной и политической жизни общества. В целом успехи, достигнутые в понимании различий и особенностей разных этнических групп латиноамериканского региона, сопровождаются развитием равноправия разных народов в экономических, социальных и культурных сферах с целью сокращения бедности (в том числе среди коренного населения). Создание равных условий, которые обеспечат возможность бедным повысить их уровень жизни путем доступа к образованию, здравоохранению, инфраструктуре и финансовым услугам имеет значение для всей Латинской Америки.

Если подтвердится прогноз о продолжении экономического подъема, то регион получит еще один исторический шанс использовать свои значительные природные и человеческие ресурсы и добиться устойчивого и более высокого экономического роста и решения социально-экономических проблем. Но маловероятно, что без политической реформы структурные перемены будут осуществлены. Еще менее вероятно, что без правильных экономических реформ сможет начаться устойчивый экономический рост. Если же его не будет, то и сократятся возможности для политической поддержки макроэкономической стабильности, и нельзя будет исключить опасности возвращения к подъемам и спадам прошлого.

Л.В.ДЬЯКОВА, кандидат политических наук

Чилийский вариант мультикультурализма: достижения и проблемы

Формирование политики в отношении индейского населения страны явилось важнейшим направлением деятельности всех правительств коалиции Консертасьон после падения диктатуры А.Пиночета в 1989 г. Эта про-

блема, имевшая давнюю историю, много лет находилась в латентном состоянии и обострилась в начале процесса демократизации, когда с окончанием военного правления индейцы получили реальные возможности заявить о своих правах и требованиях. В настоящее время на территории Чили проживают восемь индейских народов, общая численность которых составляет более 660 тыс. человек. Индейские общины существуют практически во всех областях страны, но основная часть коренного населения — арауканы-мапуче — проживает в центральных и южных районах. Различия в культуре, языке, традициях и уровне развития этих групп, а также разные истории их включения в состав чилийского государства всегда представляли значительную трудность при формировании государственной стратегии.

Общим и принципиальным для всего коренного населения оставался вопрос признания его гражданских прав, главным образом права на природные ресурсы, отчужденные в процессе колонизации, а также права на сохранение культурной самобытности. Предшествующие попытки государства решить «индейский вопрос» всегда имели трагические последствия. В 1990-е годы правительством П.Эйлвина были сделаны первые шаги в плане формирования законодательных основ политики мультикультурности, поиска взаимопонимания и диалога. Эти усилия были продолжены и при президентах Р.Лагосе (2000—2006) и М.Бачелет (2006—2010). Важнейшей мерой правительства Р.Лагоса, направленной на постепенное преодоление социальной исключенности индейского населения, успешную адаптацию молодежи к требованиям и нормам современной жизни при сохранении основ индейской культуры, стало принятие в 2001 г. многолетней «Программы комплексного развития индейских сообществ» (получившей известность как программа «Истоки»). Ее реализация была связана с деятельностью как государственных, так и общественных организаций.

Основные принципы политики М.Бачелет в индейском вопросе были сформулированы в документе «Признание: Социальный пакт во имя мультикультурности». В нем отмечалась необходимость предпринять новые шаги в создании общества, признающего ценность всех составляющих его культур. Главный акцент был сделан на разработке механизма, обеспечивающего политическое представительство индейских народов как в парламенте страны, так и на местном уровне. В 2008 г. в его нижней палате началось обсуждение идеи конституционного признания индейских территорий как неотъемлемой части чилийского государства, но с собственной обширной автономией.

Можно заключить, что демократические правительства осуществили реальный поворот к политике мультикультурализма, основанной на развитии диалога и признания прав коренных народов. Тем не менее точка в этом вопросе на сегодняшний день отнюдь не поставлена. Несмотря на политический дискурс элиты, выдержанный в духе мультикультурности (как со стороны правящей коалиции, так и оппозиционных партий), сами индейцы не спешат выразить удовлетворение. Среди мапуче наблюдается рост антиправительственных настроений, происходят столкновения с полицией, набирает популярность протестный лидер Аукан Уилкаман.

Таким образом, несмотря на значительные достижения, к которым привела политика демократических правительств в «индейском вопросе», очевидно, что решение проблемы, имеющей драматическую историю, может занять не одно десятилетие. Прошедшие 19 лет — только начало длительного этапа взаимодействия власти, индейских организаций и всего чилийского общества на пути достижения необходимого компромисса.

А.Е.ПРОЦЕНКО, кандидат политических наук

Американско-мексиканская граница: этнический ракурс

США и Мексику разделяет одна из самых протяженных в мире сухопутных границ (более 3 тыс. км), что предопределяет особое значение вопросов приграничья в двусторонней повестке дня. Несмотря на довольно радикальное настроение населения южных штатов США, крайне болезненно реагирующего на нелегальную миграцию, некоторые этнические группы встретили строительство властями США стены между двумя странами категорическими протестами. Речь идет о коренных народах США, чьи интересы стена затрагивает самым непосредственным образом. Племена *кумейаай* в Калифорнии, *кокона* и *тохоно-одам (папаго)* в Аризоне и *кикапу* в Техасе в результате появления пограничных заграждений превращаются в разделенные этносы, теряют свободу передвижения по племенным землям и доступ к своим почитаемым ритуальным местам.

Вопросы, тревожащие общины, обсуждались на Пограничном саммите Америк в Туксоне (штат Аризона) на землях племен тохоно-одам в октябре 2006 г. Среди наиболее тревожных факторов отмечались регулярные нарушения прав индейского населения: право на передвижение, зафиксированное в «Договоре Джей», право на защиту племенных могил в соответствии с «Актом о репатриации и защите племенных земель коренных американских народов, преследования Пограничными патрулями», проведение пограничных операций без учета интересов коренных народов и милитаризация приграничья. Представитель тохоно-одам М.Уилсон отмечал в своем выступлении, что общины не были поставлены в известность о проводимых пограничных операциях «Держи линию» и «Привратник» («Hold the line», «Gatekeeper»). В результате действий властей нелегальные мигранты были вытеснены на общинные земли в пустынных районах Аризоны, где зачастую погибали.

Позиция тохоно-одам была поддержана представителями племени *кумейаай*, активно выступающего против строительства стены, так как она приводит к тому, что нелегалы пересекают границу по священной земле их предков и местам племенных захоронений. Отдельная дискуссия на саммите была посвящена действиям пограничной стражи США. Представитель Международного совета по делам коренных народов (International Indian Treaty Council) Д.Симмонс назвал американские пограничные расчеты «эскадронами смерти». Представители тохоно-одам также отмечали, что офи-

церы этих патрулей ведут себя на землях этого племени как оккупационная армия, неоднократно подвергая его народ моральному угнетению.

Действительно, на границе порой крайне трудно соблюсти равновесие между соблюдением закона, общечеловеческими моральными ценностями и уважением прав и традиций коренного населения. Все участники саммита сошлись во мнении, что нельзя подвергать гонениям за помощь нелегальным иммигрантам, так как она оказывается людям, находящимся на грани жизни и смерти. К сожалению, если житель приграничья доставляет умирающего нелегала в больницу, то, по действующему законодательству, это влечет за собой в первый раз денежный штраф, а в последующем может грозить тюремным заключением. Саммит стал важным событием в жизни коренных народов США, на котором северные племена проявили солидарность с жителями юга, в частности, с призывами объединить усилия выступил М.Маракл из племени ирокезов. Делегаты саммита предложили проводить его регулярно для постоянного обмена информацией и привлечения внимания общественности к существующим проблемам.

А.Д.ЩЕРБАКОВА, кандидат политических наук

Этнический фактор и формирование концепции «аргентинства»

Аргентина, наряду с Чили и Уругваем, остается одним из немногих латиноамериканских государств, в которых все сферы общественной жизни до сих пор контролируют потомки выходцев из Европы. В то же время представители коренных народов по-прежнему живут в условиях социальной исключенности и борьбы за физическое выживание. Иллюстрацией тяжелейшего положения индейских общин может служить инцидент, произошедший в ноябре 2007 г. и вызвавший широчайший общественный резонанс. Лидеры крупнейших индейских общин обратились в Верховный суд страны с жалобой на власти провинции Чако. Поводом обращения стала гибель 20 человек из племен тоба, учичи и пирога от голода или болезней, связанных с недоеданием. Это стало свидетельством неэффективной политики центрального правительства и местных властей по снабжению индейских племен в беднейших районах страны продуктами, необходимыми для элементарного выживания.

В настоящее время аргентинским индейцам также приходится бороться за признание их этническим меньшинством для сохранения своей культурной и языковой самобытности, прав на исконные земли и получение образования на родном языке. В стране до сих пор практически отсутствует актуальная информация об индейском населении. Согласно данным опроса 2004—2005 гг., о своей принадлежности к различным индейским этносам заявили более 600 тыс. человек, что составило 1,5% аргентинцев, но последняя перепись населения в общинах проводилась лишь в конце 1960-х годов.

На рубеже XIX—XX вв. большинство латиноамериканских национальных элит стало позиционировать свои страны как «плавильные котлы» европейской, африканской и индейской культур. На государственном уровне

предпринимались попытки ассимиляции индейских народов посредством проведения реформы образования, а также изменений законодательства в сферах землепользования и трудового права. Эти меры были направлены на постепенное размывание традиционного образа жизни индейцев, превращение их в метисов и «чоло». Идеологической основой такой политики властей был тезис о том, что латиноамериканские нации являются результатом гармоничного слияния европейской, индейской и африканской рас.

Аргентинская правящая верхушка заняла противоположную позицию, заявляя, что сформировавшаяся нация является «однородно «белой», поэтому ассимиляция понималась исключительно как односторонний процесс «европеизации» «небелого» населения. Официальная статистика зачастую преувеличивала численность белого населения, подтверждая это принятое на государственном уровне утверждение. Создатели концепции «аргентинства» («argentinidad») Х.Инхеньерос, Х.Рамос Мехиа, А.Бунхе не принимали во внимание существование иных этнических общностей на территории страны. На протяжении десятилетий в национальных переписях населения критерий расовой и этнической принадлежности не использовался, что и приводило в результате к отсутствию достоверной информации о численности индейцев, метисов и афро-аргентинцев и исключению представителей этнических меньшинств из всех сфер общественной жизни. Даже креолами называли не метисов, а исключительно потомков выходцев из Европы, что и позволяло правительству говорить о 100%-ном по численности «белом» населении страны.

Насаждение «сверху» мифа о «белой» Аргентине оказалось настолько эффективным, что серьезно затруднило формирование самосознания у «небелых» этнических групп. На протяжении XX в. правящая элита не только успешно эксплуатировала этот миф внутри страны, но и сумела распространить его за рубеж. Даже уважаемые англоязычные издания до сих пор оперируют данными, согласно которым население этого латиноамериканского государства (примерно 41 млн человек) на 97% состоит из представителей белой расы.

Таким образом, в начале XXI в., как и 100 лет назад, в глазах всего мира и собственных граждан Аргентина представляется «европейской» и «белой» страной, невзирая на наличие 1,2 млн представителей других этнических, в том числе «небелых», групп. Более того, основным законом республики остается Конституция, принятая в 1853 г. Несмотря на множество внесенных с тех пор поправок, она по-прежнему закрепляет приоритетность и предпочтительность иммиграции из Европы (раздел I, ст. 25) и никак не регулирует взаимодействие государства с представителями этнических меньшинств.

Индейцы Перу

В Перу сегодня можно выделять несколько групп населения, которые относят к «индейцам»: индейцы Косты — мучик (испаноязычные) и недавние мигранты с гор (кечуа); индейцы Сьерры — кечуа и аймара, называемые и часто сами себя называющие «крестьяне» или «серранос», но ни в коем случае не «индейцы»; индейцы перуанской Амазонии, принадлежащие к различным языковым семьям. В Сьерре значительная их часть уже перешла на испанский. Кечуа в Перу провозглашен официальным наряду с испанским (в местах его широкого распространения), но это не сделало его равноправным. Численность индейского населения Сьерры сегодня вряд ли составляет более 13—18% ее населения (хотя националистически настроенные лидеры утверждают, что индейцев в Перу в целом порядка 30%).

По статистике, индейцев в Амазонии то ли 400, то ли 130 тыс. Расхождения можно объяснить тем, что часть современного индейского населения Амазонии говорит на кечуа, цифра же в 130 тыс. человек относится скорее к носителям собственно амазонских языков. Традиционно индейское население рассматривается правящими кругами как «тормоз развития», подлежащий, по возможности, скорейшей ассимиляции. При этом допускались и допускаются любые формы, способствующие быстрейшему уничтожению индейской архаики. Так, в период президентства Фухимори (1996—2000) была проведена кампания по насильственной стерилизации в рамках программ «планирования семьи».

Гарантии прав индейских и крестьянских общин на землю декларируются, однако они снабжены такими оговорками, как, например, право государства на недра, воздух и воду. Общины владеют не более 11% территории страны, и это — самые неплодородные земли. Но именно там часто находятся месторождения газа, нефти и других полезных ископаемых. Результатом являются действия, прямо противоположные конституционным гарантиям: вторжения на земли общин добывающих компаний разного рода. Реально у индейских и крестьянских общин почти нет средств, позволяющих легально добиться соблюдения конституционных гарантий. Одной из крайних мер защиты является самоизоляция индейцев.

Сегодня те же кечуа фактически не воспринимают себя как особый народ (тем более, что единого языка нет), стремление быть «перуанцами», «гражданами» и т.п. перевешивает. У аймара самосознание более стойко, к тому же «подпитывается» воздействием со стороны аймара боливийских, и среди них весьма распространены «религиозные искания» (переход из католичества в протестантство), которые они сочетают, однако, с набирающим силу движением за автономию. К проявлениям индейского самосознания относятся и такие любопытные факты, как попытки возродить древнюю религию. Немаловажное влияние на сохранение и развитие этнического самосознания индейцев оказывают перемены в индеанистском движении. Они стали реальностью благодаря численному росту собственно

индейской интеллигенции и распространению современных технических средств коммуникации. До настоящего времени, однако, заметных успехов индейскому движению добиться не удалось. В Перу нет значительных организаций (кроме амазонских), базирующихся именно на «индейскости» как и собственной сколько-нибудь сильной политической партии.

Нельзя не обратить внимание на некоторый рост индейской активности после избрания Э.Моралеса президентом Боливии. Индейской интеллигенцией в Перу была даже поставлена цель выдвижения своего президента на выборах 2011 г. Вопреки уже высказывавшемуся мнению, что индейцам глобализация принесла благо, пока все факты показывают обратное. Идет новый невиданный натиск на индейские права и земли, ускоряется деэтнизация при сохранении расизма, возрастает роль ремесел и торговли, ориентированных исключительно на туристов. Что касается распределения доходов от туризма, то в 2007 г., например, район Куско получил 420 млн долл., из них общественным организациям и муниципалитетам было выделено всего 7,5%. Важно и то, что индейские общества в Перу до сих пор официально не признаны как народы, а только как общины.

О.П.ПРОСЕЛКОВА, кандидат исторических наук

Проблемы межэтнических отношений в Перу

Опыт Перу, как и других «индейских» стран Латинской Америки, показывает, что при решении межэтнических проблем не существует «универсальных» моделей, потому что необходимо учитывать особенности складывавшихся веками традиций взаимоотношения власти и общества, путей исторического и культурологического развития, межэтнических отношений. Правительственным структурам Перу, где индейское население составляет около 40%, при решении проблем как социального, так и экономического характера не хватает дифференцированного подхода в ходе рассмотрения каждого конкретного случая. Среди многочисленных индейских этносов страны представлены как очень крупные (кечуа, аймара), так и мелкие этнические группы, обитающие в амазонской сельве, отличающиеся друг от друга по многим параметрам и требующие особого подхода. Правительство вынуждено изыскивать возможности для решения проблем неиндейского и индейского населения, искать баланс между государственными и межэтническими аспектами.

В процессе проводившихся в Перу с начала XXI в. правительствами А.Толедо и А.Гарсии реформ, приоритетными направлениями которых было достижение высоких макроэкономических показателей, вопросам социальной сферы — здравоохранению, образованию, улучшению системы развития индейских этносов, проблемам сохранения окружающей среды и многим другим — не уделялось достаточного внимания. Продолжалось увеличение дистанции между динамично развивающимися промышленными районами Косты, где проживает в основном неиндейское население,

и традиционно отсталыми внутренними «индейскими» районами Сьерры и Сельвы. Так, в районе Косты (по данным на 2008 г.) число живущих за чертой бедности было равно 21%, в районе Сьерры — 56,2%, в целом по Сельве — 40,9%. Число хронически недоедающих в Перу в 2008 г. составило среди взрослого населения 30,9%, среди детей — 21,9%. До сих пор около 20% населения страны остаются неграмотными. Особо большой показатель неграмотности среди молодежи 15—24 лет. Среди горожан он равен 22%, а среди сельского индейского населения достигает 80%.

По мнению перуанского экономиста Уго Кабиессеса, Перу находится в ситуации «успешного развития макроэкономики и краха «микроэкономики». Несбалансированность темпов экономических и социальных преобразований, недостаток внимания к межэтническим проблемам в конечном счете таят в себе потенциальную угрозу стабильности. Вскоре после выборов 2006 г. правительство А.Гарсиа вынуждено было искать пути разрешения серьезнейшего конфликта между владельцами крупнейшего в Латинской Америке золотодобывающего рудника «Янакоча», расположенного в департаменте Кахамарка на северо-западе страны, и проживающими там индейцами. Этот рудник, действовавший с 1993 г., успел отравить отходами своего производства все водоемы на значительной территории. Правительству тогда удалось мирно уладить конфликт. В 2008 г. резко обострили ситуацию выступления индейцев Амазонии, поддержанные в других районах страны. Индейцы выступили против планов правительства упростить выдачу разрешений на добычу нефти и других полезных ископаемых, заготовку древесины, фермерство в местах расселения индейцев. Лидеры, представляющие интересы 42 общин, выступали за отмену законов, посягающих на территории их компактного расселения. Эти требования были поддержаны представителями перуанской интеллигенции и церкви. На Третьей региональной встрече католических священников Латинской Америки (октябрь 2009 г., Манаус) была выражена поддержка прав индейцев Амазонии на землю, воду, образование, достойную жизнь. Особо было отмечено значение сохранения биоресурсов Амазонии для биосферы Земли.

В 2009 г. перуанским индейцам удалось добиться отмены законов, упрощавших доступ бизнеса на их исконные земли, но отсутствие законов, реально защищающих права индейцев на территории их проживания, позволяет предполагать, что борьба будет долгой и нелегкой. Индейские выступления выявили не только слабые и сильные стороны в индейском движении Перу, но и показали, насколько остро стоит вопрос борьбы за землю между этносами и государством, которому необходимы энергетические ресурсы, находящиеся на индейских землях. Требуется модификация законодательства и предоставление индейцам права участия в принятии решений вопросов использования их территории.

Окончание следует